

К сожалению, и это указание неточно: материалы упомянутого Г. Мирковичем сборника опубликованы Дм. Цветаевым и содержат не исповедание веры, а его опровержение.⁶⁸

Однако и до того, как будет разыскано подлинное «Вызание веры» Белобоцкого, о содержании его философско-религиозных воззрений мы можем судить как по доносам на него и обличениям его взглядов, так и — что особенно важно — по его сочинениям, в первую очередь «Великой науке» и «Риторике».

Сложное мировоззрение Белобоцкого требует обстоятельного изучения в тесной связи с анализом духовной жизни России конца XVII столетия. В настоящем кратком сообщении мы вынуждены ограничиться лишь самой общей и неизбежно неполной характеристикой его взглядов.

В основе философских представлений Белобоцкого, нашедших отражение как в «Великой науке», так и в «Риторике», лежит учение о «естестве».

«Естество, — говорит он в «Великой науке», — есть вещь, вышшая всех вещей, разумом нашим постиженных, выше убо естества ничтоже есть ... Не токмо всякая вещь созданная, но и сам бог деблым разумом нашим ниже естества полагается ... Говорим убо, естество инно есть созданное, инно несозданное; тем же естество разумом нашим выше создания и несоздания полагается. Бог же несозданный есть, того ради по недоумению разума нашего во описании бога полагаем его ниже естества».⁶⁹

«Естество» не только выше бога в философском «описании», но и существует вечно: «... кроме бо естества, — читаем в «Риторике», — ничтоже созданное равное и соприсносушное быти ему (богу, — А. Г.) может».⁷⁰

Это пантеистическое отождествление бога и «естества» связано в философии Белобоцкого с характерной для средневековых пантеистов «отрицательной теологией». Бог непознаваем конечным человеческим разумом, он не может быть описан вне понятия «естества»: «Аще же бог всех естеств созданных вышший есть, обаче разум созданный не может понятия и описати, и нарекше бога естеством, токмо от всех протчих естеств определенным»;⁷¹ «Бог во всей мудрости, воли и силе своей и в делах вышеестественных не постижимой есть и не объятый».⁷² Непознаваемость бога означает отказ от рационального богословия и вместе с тем изгоняет богопознание из философии.

Философия в системе Белобоцкого противостоит богословию. При этом преимущество философии заключается в том, что в отличие от основанного на религиозном откровении богословия она свободна в своем стремлении к познанию мира. «Вопрос сей (перед этим шла речь о вопросе, «аще что есть, или было, или будет», — А. Г.) свободнейше прелагают философов, нежели богословцы; богослове убо о вещех, верою преданных и церковью принятых не усумневаются. Философы же глубшаго разума и основания во всяких вещах ищут, и вины разсуждают: тем же и к богу вопрос творят, аще бог есть».⁷³

При этом знание может противоречить религиозному откровению. Белобоцкий рассказывает читателям о споре между учеными «о мире вселенном, понеже убо Аристотель написал и крепкими доводами утвердил, иже мир сей видимый несть созданный, но вечный, яко и бог вечный есть. Сего

⁶⁸ Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантизма в России, ч. I, стр. X—XI.

⁶⁹ ГПБ, Ф. III. 1., лл. 11—12.

⁷⁰ БАН, Арх., С-149, л. 254.

⁷¹ ГПБ, Ф. III. 1., л. 11.

⁷² БАН, Арх., С-149, л. 139.

⁷³ Там же, л. 268—268 об.